

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВАЛОВОГО ВНУТРЕННЕГО ПРОДУКТА ИЗ ИЗМЕРИТЕЛЯ В ЦЕЛЬ: ТРИ УРОВНЯ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОНА Ч. ГУДХАРТА

О. В. Асканова

Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия)

В статье исследуется трансформация валового внутреннего продукта (ВВП) из нейтрального измерительного инструмента в целевой индикатор государственной экономической политики. Показано, что данный процесс активизирует действие закона Ч. Гудхарта, согласно которому любая наблюдаемая статистическая закономерность разрушается при оказании на нее давления с целью контроля. Автором выявлены и систематизированы три уровня проявления закона Ч. Гудхарта применительно к ВВП: методологический, коммуникативный и структурный. Сравнительный анализ баланса народного хозяйства (БНХ) и системы национальных счетов (СНС) показал методологические ограничения ВВП, обусловленные расширением границ производства за счет услуг и финансовых операций, что создает предпосылки для искажений.

На основе данных Росстата продемонстрировано, что фокусировка на агрегированных темпах роста ВВП маскирует структурные диспропорции: снижение доли оплаты труда, сокращение потребления домохозяйств, рост доли государственного управления и военной безопасности. Установлено, что улучшение позиций России по ВВП по паритету покупательной способности сопровождается снижением веса в мировой экономике по номинальному ВВП. Сделан вывод о необходимости перехода от управления ростом ВВП к управлению качеством развития на основе системы сбалансированных показателей, отражающих комплексное благосостояние и устойчивое развитие национальной экономики.

Ключевые слова: валовой внутренний продукт, закон Ч. Гудхарта, экономические индикаторы, экономическая политика, система национальных счетов.

THE TRANSFORMATION OF GROSS DOMESTIC PRODUCT FROM A MEASURE TO A TARGET: THREE LEVELS OF MANIFESTATION OF GOODHART'S LAW

O. V. Askanova

Rubtsovsky Industrial Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russia)

This article examines the transformation of Gross Domestic Product (GDP) from a neutral measurement tool into a target indicator of state economic policy. It is demonstrated that this process triggers Goodhart's Law, which posits that any observed statistical regularity breaks down when pressure is applied to it for control purposes. The author identifies and systematizes three levels of Goodhart's Law as applied to GDP: methodological, communicative, and structural. A comparative analysis of the Material Product System (MPS) and the System of National Accounts (SNA) reveals methodological limitations of GDP stemming from the expansion of production boundaries to encompass services and financial operations, thereby creating conditions for statistical distortions.

Drawing on Rosstat data, the study shows that a focus on aggregate GDP growth rates masks structural imbalances, including a declining share of labor compensation, reduced household consumption, and an expanding share of public administration and defense. It is further established that Russia's improved standing in terms of GDP at purchasing power parity (PPP) coincides with a declining share in the global economy measured by nominal GDP. The author concludes that there is a need to transition from managing GDP growth to managing development quality through a balanced set of indicators that reflect comprehensive well-being and the sustainable development of the national economy.

Keywords: Gross Domestic Product, Goodhart's Law, Economic Indicators, Economic Policy, System of National Accounts.

Введение. На протяжении последних десятилетий одним из важнейших макроэкономических индикаторов является валовой внутренний продукт (ВВП), рост которого, а также место страны в мировом рейтинге по его объему становятся самоцелью экономической политики многих государств, находя прямое отражение в программных документах и публичной риторике высших должностных лиц. Так, Президент России В. В. Путин неоднократно ссылаясь на показатель ВВП как на главное доказательство устойчивости экономической системы страны в условиях сложного внешнего фона¹.

Однако превращение количественного показателя в императив политической воли связано с серьезным риском подмены реального экономического благополучия страны статистической отчетностью, где агрегированный рост ВВП или позиция страны по его объему в мире становятся маркером успешности власти. Данный риск находит свое точное теоретическое обоснование в так называемом законе Ч. Гудхарта, согласно которому любая наблюдаемая статистическая закономерность имеет тенденцию разрушаться, как только на нее оказывается давление с целью контроля [1]. Ситуация осложняется тем, что сам показатель ВВП имеет ряд слабых сторон, которые усугубляются при его абсолютизации, что актуализирует вопрос о поиске новых или дополняющих измерителей экономического роста.

Проблема ограничений ВВП как универсального измерителя экономического роста и благосостояния на макроуровне не является новой, представляя собой предмет активной научной дискуссии на протяжении многих десятилетий. Недостатки этого показателя признавал еще основоположник системы национальных счетов (СНС) и создатель современной концепции ВВП С. Кузнец [2], изъяны ВВП как измерителя изложены в выступлении Р. Кеннеди в Университете Канзаса [3] и докладе комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса Дж. Стиглица, А. Сена, Ж.-П. Фитусси [4].

Предметом отдельного направления исследований стал анализ социально-экономических показателей в контексте закона Ч. Гудхарта. И хотя сам ученый сформулировал свой закон применительно

к денежно-кредитной политике [1], в дальнейшем его действие было экстраполировано и на другие области. М. Стратерн [5], например, адаптировала закон Ч. Гудхарта для социальной сферы, Дж. Мюллер [6] на различных примерах из области образования, здравоохранения, бизнеса, охраны общественного порядка, вооруженных сил и благотворительности раскрыл процесс искажения действительности под воздействием «тирании показателей». М. Маццукато [7] продемонстрировал, как трансформация ВВП из измерителя в цель активизирует извлечение ренты, финансовые спекуляции, подменяя качественный рост количественной экспансией.

В российском научном дискурсе критика ВВП как универсального измерителя имеет устойчивый характер, получая освещение с разнообразных позиций. Большинство исследователей, считая ВВП недостаточно информативным, неточным или непригодным для определенных целей (долгосрочное прогнозирование, оценка социального прогресса), тем не менее, не отвергают его полностью [8–11]. Вместе с тем существуют и радикальные позиции, полностью отрицающие ценность ВВП как инструмента «анализа какого-либо экономического развития, так как (он) отражает результаты ошибочных решений экономических агентов» [12].

Наиболее последовательным критиком ВВП как измерителя достижений национальной экономики является В. Ю. Катасонов, который в своих многочисленных работах убедительно демонстрирует постепенное превращение этого показателя в «кривое зеркало» [13], «сломанный компас» [14] экономики. Иронически переосмысливая общепринятую аббревиатуру ВВП, В. Ю. Катасонов характеризует его как «валовой виртуальный продукт», подчеркивая тем самым спекулятивный характер значительной части современной экономики [15]. Особую научную ценность работам В. Ю. Катасонова придает то, что автор в своей критике ВВП прямо апеллирует к закону Ч. Гудхарта. В большинстве же остальных отечественных исследований, затрагивающих проблематику ВВП, подобная теоретическая связка отсутствует, хотя закон Ч. Гудхарта используется как аналитическая база для исследования искажающего влияния показателей в системах государственного управле-

¹ Путин рассказал о росте ВВП в России в 2024 году // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241024/putin-1979887456.html> (дата обращения: 25.02.2026); Путин: Россия занимает четвертое место по ВВП в мире и первое — в Европе // RG. RU. URL: https://rg.ru/2025/06/20/putin-rossiya-zanimaet-chetvertoe-mesto-po-vvp-v-mire-i-pervoe-v-evrope.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 25.02.2026).

ния [16], образования и науки в России [17], а также кадровой обеспеченности подразделений МВД России [18]. В этой связи актуализируется задача переосмыслить роль ВВП в системе принятия решений с позиции закона Ч. Гудхарта.

Цель данного исследования — выявление особенностей проявления закона Ч. Гудхарта при трансформации валового внутреннего продукта из измерительного инструмента в целевой индикатор государственной экономической политики и систематизация уровней возникающих искажений.

Материалы и методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе используется комплекс методов макроэкономического анализа, сочетающий теоретическое обобщение и анализ эмпирических данных. Информационную базу исследования составили верифицированные данные международных организаций (Всемирный банк, МВФ) и Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстата).

Результаты и их обсуждение. Как стандартизированный измеритель экономической динамики ВВП был предложен в середине XX века С. Кузнецом, хотя ряд исследователей усматривают генезис данного показателя в трудах У. Петти, который «по сути создал основы системы для последующего вычисления показателя ВВП» [19]. Идею расчета ВВП для оценки роста национальной экономики впервые ввел президент США Ф. Рузвельт в бюджетном послании 1944 г. [20]. Стоит отметить важное уточнение В. Ю. Катасонова, что «до начала 70-х годов прошлого века подавляющее число стран пользовалось показателем не ВВП, а валового национального продукта (ВНП)» [14]. Одной из причин окончательной замены ВНП после 1993 года ВВП

В. Ю. Катасонов считает переход китайской экономики на показатель ВВП [14].

В России первые расчеты ВВП «были осуществлены в 1991 г. за 1989 и 1990 гг. Эти расчеты были проведены Госкомстатом России в тесной кооперации и под контролем экспертов МВФ и ОЭСР» [21], а с 1993 года Россия участвует в международных сопоставлениях на постоянной основе. Внедрение показателя ВВП в российскую практику государственного управления имело свою специфику, обусловленную необходимостью перехода от системы баланса народного хозяйства (БНХ) на систему национальных счетов (СНС).

Баланс народного хозяйства — собственная система макроэкономического учета — разработана в стране еще в 1923–1924 годах. Как отмечают Е. А. Гроздева, В. Н. Ключанцева, в то время, когда «на западе только обсуждались возможные подходы к построению СНС», «в СССР модель того же назначения, но по-иному выполненная, строилась уже регулярно» [22]. А. Н. Пономаренко подчеркивает, что «многие идеи и подходы, впервые примененные в первом балансе народного хозяйства, были позднее использованы в других статистических моделях, включая СНС» [21]. Оценивая роль БНХ в статистике и макроанализе, Б. Т. Рябушкин констатирует, что, став «прообразом нового направления в системе балансовых построений», данная статистическая новация являлась «феноменом мирового уровня того периода», не имевшим «аналогов в мировой статистике» [23].

Главное и принципиальное отличие БНХ от СНС состояло в неодинаковом определении границ производства, вытекающая из разного теоретического фундамента. Сравнительная характеристика БНХ и СНС представлена в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика БНХ и СНС

Критерий	БНХ	СНС
Теоретическая основа	Марксистская теория воспроизводства	Неоклассическая экономическая теория
Границы производства	Только материальное производство	Все рыночные и нерыночные услуги
Ключевой показатель	Национальный доход (материальное производство)	ВВП (вся экономическая деятельность)
Классификация	Отраслевая (материальные отрасли)	Институциональная (сектора) + отраслевая
Учет услуг	Не включались в стоимость	Включаются полностью
Финансовые операции	Не отражались	Отражаются в финансовых счетах
Цель	Планирование материальных потоков	Анализ рыночной конъюнктуры

Для более глубокой оценки потенциала и границ применения каждой системы в таблице 2 отражены их ключевые плюсы и минусы.

Таблица 2

Достоинства и недостатки БНХ и СНС

Система	Достоинства	Недостатки
БНХ	Прозрачность материальных потоков (четкое отражение производства физических товаров)	Игнорирование услуг (не учитывает растущий сектор услуг)
	Акцент на реальном секторе (игнорирование спекулятивных финансовых операций)	Несопоставимость с международными данными (невозможность корректных межстрановых сравнений)
	Плановая дисциплина (эффективен для централизованного распределения ресурсов)	Непригодность для рыночной экономики (не отражает финансовые потоки, доходы домохозяйств, частный сектор)
	Учет природных ресурсов (в некоторых версиях включался баланс природных ресурсов)	Занижение экономического объема (национальный доход существенно ниже ВВП по СНС)
СНС	Универсальность (применяется в 95% стран мира, обеспечивает сопоставимость)	Методологическая условность (границы производства меняются)
	Полнота охвата (включает все сектора экономики)	Агрегированность (ВВП не различает созидательную и деструктивную активность)
	Гибкость (адаптируется к новым видам деятельности (НИОКР, цифровые услуги))	Игнорирование распределения (не показывает, кому принадлежат результаты роста)
	Интегрированность (связывает производство, доходы, расходы, финансовые потоки)	Уязвимость для манипуляций (расширение периметра учета искусственно увеличивает ВВП)

Как следует из таблицы 2, и СНС, и БНХ, отражая приоритеты определенной экономической модели, не являются абсолютно совершенными, поэтому сегодняшнее глобальное доминирование СНС обусловлено не ее методологическими преимуществами, а спецификой постдвуполярного мироустройства, при которой стандарты, разработанные в странах «ядра», становятся обязательными для «периферии». В этой связи критика В. Ю. Катасоновым [15] ВВП как идеологически чуждого инструмента западного происхождения заслуживает внимания, поэтому стоит остановиться на фундаментальных ограничениях самой концепции ВВП.

Изначально созданный как индикатор рыночного оборота, ВВП фиксирует совокупный объем добавленной стоимости, не отражая ее распределения между домохозяйствами, бизнесом и государством, что может скрывать рост неравенства за средними значениями. Не различая социальной полезности экономической деятельности, показатель ВВП может быть повышен не за счет создания благ, а за счет обусловленной негативными событиями активности (военные расходы, затраты на ликвидацию последствий стихийных бедствий, рост преступности или заболеваний, вызванных ухудшением экологии). Серьезные претензии к ВВП связаны с включением в его величину услуг финансового сектора, который сегодня все больше функционирует по принципу «прибыль без производства» [24], извлекая доходы через проценты, комиссии и спекулятивные операции. При этом финансовый сектор не только «искусственно надует» ВВП, но и одновременно за счет перераспре-

деления ренты и спекулятивных операций «высасывает» ресурсы из реального сектора. Недостатки ВВП усугубляются методологической условностью этого показателя. В. Ю. Катасонов [15] подробно на примерах разных стран, подтверждая эмпирическими данными, показывает, как изменение правил статистического учета помогает этим странам «поправить дела в экономике».

Таким образом, ВВП обладает «врожденными» изъянами, которые становятся критическими при превращении ВВП в цель государственной политики, создавая описываемую законом Ч. Гудхарта классическую ловушку. В 1975 году он в ходе анализа денежно-кредитного регулирования в Великобритании описал закономерность, согласно которой давление на любую статистическую закономерность с целью контроля ведет к ее разрушению [1]. Дальнейшая экстраполяция закона Ч. Гудхарта на другие области управленческой деятельности [5, 6, 7, 16, 17, 18] показала, что как только мера превращается в цель, запускаются механизмы искажения, доказывая универсальность данного закона и его применимость к любым макроэкономическим индикаторам. В контексте рассматриваемой в данном исследовании проблемы большую теоретическую и эмпирическую ценность представляет работа М. Маццукато [7], центральный тезис которой состоит в том, что современная экономика изъятие ценности вознаграждает больше, чем ее создание. М. Маццукато демонстрирует, что таргетирование валовых показателей приводит к реализации описываемого законом Ч. Гудхарта эффекта — систематическому искажению экономической деятельности в пользу извлечения рен-

ты вместо реального развития. Интересны выводы М. Маццукато в отношении финансового сектора, который вместо мобилизации ресурсов для продуктивной экономики генерирует прибыль через изъятие ценности из других секторов за счет процентных доходов.

По отношению к ВВП действие закона Ч. Гудхарта находит свое отражение в подмене реального

экономического роста манипуляциями с показателями и оптимизацией деятельности под индикатор, что наглядно показано на рисунке 1.

Итак, закон Ч. Гудхарта выступает механизмом, который превращает недостатки ВВП в системные искажения экономической политики, что проявляется на трех взаимосвязанных уровнях (табл. 3).

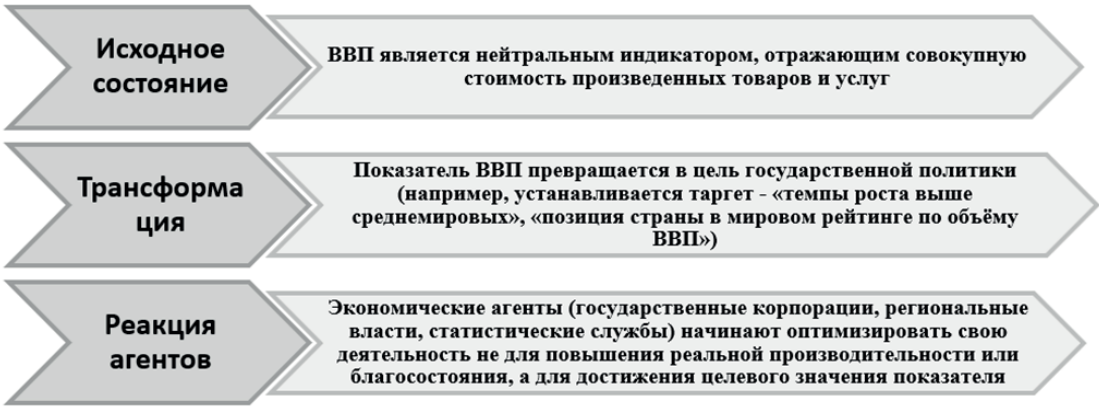

Рис. 1. Действие закона Ч. Гудхарта применительно к ВВП как целевому индикатору экономической политики

Таблица 3

Уровни проявления закона Ч. Гудхарта применительно к ВВП

Уровень	Вид искажения	Механизм проявления
Методологический	Изменение методологии расчета используется для искусственного поддержания роста агрегированного показателя	Расширение границ СНС, учет новых видов деятельности как инвестиций
Коммуникативный	Статистические данные используются избирательно для конструирования позитивного экономического нарратива	Выбор между ВВП по ППС и номиналом, цепными и средними темпами роста показателя, отдельными годами и трендами
Структурный	Реальная экономика перестраивается под целевой показатель в ущерб благосостоянию	Перераспределение ресурсов в сектора с высоким валовым объемом, но низким мультипликатором благосостояния

Методологический уровень определяется гибкостью границ СНС, что создает предпосылки для корректировки правил учета макроэкономических показателей для поддержания (наращивания) целевых значений. Коммуникативный уровень проявляется через вариативность методологий расчета и способов представления данных, обеспечивая возможность избирательной интерпретации статистики для формирования желаемого нарратива об успехах экономической политики. Структурный уровень характеризуется трансформацией реальной экономики, при которой фокусировка на агрегированном росте ВВП может парадоксальным образом стимулировать сектора, процветающие на проблемах общества, а не на их решении, закрепляя модель изъятия ценности вместо ее создания.

Для демонстрации тезиса о том, что агрегированный рост ВВП сам по себе не отражает реаль-

ного развития, считаем целесообразным провести структурно-динамический анализ эмпирических данных о ВВП России. Отметим, что в качестве хронологического периода анализа выбраны три временных интервала: 2013, 2019 и 2024 годы. Выбор именно такой периодизации является неслучайным. 2013 год является последним полным годом перед геополитической турбулентностью, выступая, таким образом, своеобразной «контрольной точкой» для оценки масштаба последующих изменений. 2019 год позволяет оценить эффективность реакции экономики на санкции «первого поколения» в условиях стабильной конъюнктуры, без искажающего влияния пандемийного шока. Выбор в качестве конечного периода анализа 2024 года объясняется, во-первых, адаптацией к беспрецедентному санкционному давлению после 2022 года, и, во-вторых, наличием полностью опубликованных верифицированных данных Росстата.

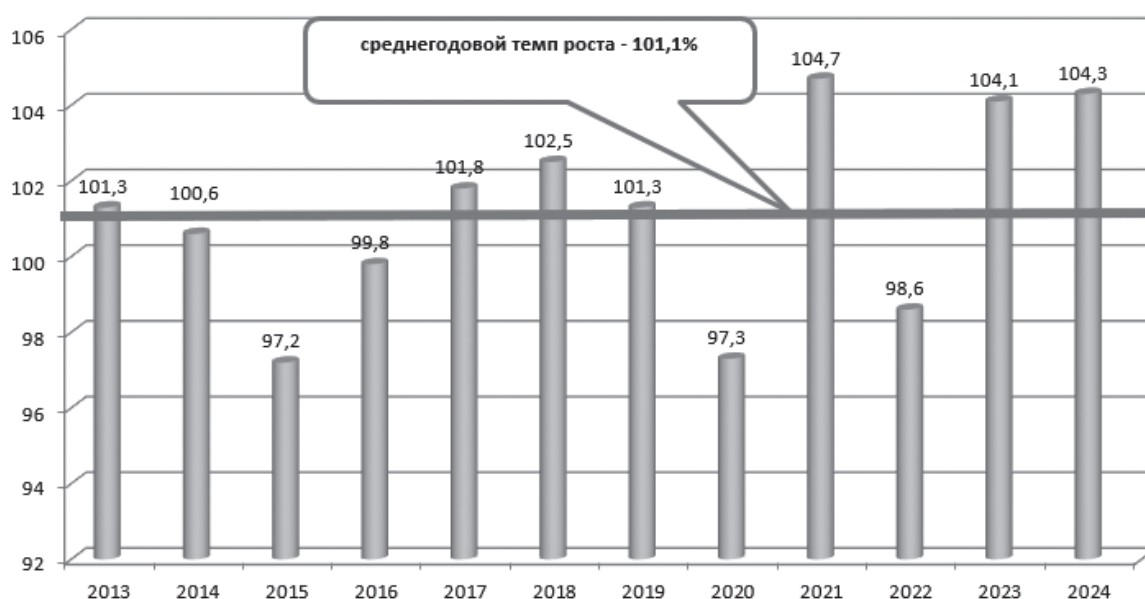

Рис. 2. Цепные темпы роста реального ВВП России за 2013–2024 гг., %²

Поскольку для подтверждения ускорения экономической динамики в политическом дискурсе очень часто обращаются к темпам роста ВВП, считаем логичным начать анализ именно с этих показателей (рис. 2).

Как видно на рисунке, цепные темпы прироста реального ВВП РФ имеют высокую волатильность, что демонстрирует чувствительность агрегированного показателя к внешним шокам. Наибольший на фоне сложившейся динамики рост 2021 года в значительной степени обусловлен «низкой базой» после пандемийного падения 2020 года, а не структурным улучшением. Обращают на себя внимание одинаковые темпы роста в 2013 и 2019 годах при принципиально разных экономических условиях, которые без структурного анализа являются малоинформативными. В среднем за период 2013–2024 гг. прирост ВВП составил незначительные +1,1%, поэтому выделение отдельных «удачных» лет без контекста, будучи статистически корректным, может создавать

искаженное представление о траектории экономического развития. Следовательно, цепной темп роста за отдельный год, став целевым индикатором, перестает быть хорошей мерой устойчивого экономического развития, что является подтверждением закона Ч. Гудхарта.

Наряду с ростом ВВП большое значение имеет апелляция в политическом дискурсе к месту России по величине этого показателя, поэтому далее считаем важным остановиться на международных сопоставлениях (табл. 4, 5).

Улучшение позиций России по ВВП по паритету покупательной способности (ППС) за анализируемый период сопровождается серьезным «проседанием» по номинальному ВВП. Это свидетельствует, что избирательность методологии оценки ВВП (по ППС или номиналу) дает возможность формировать альтернативные интерпретации, подменяя объективный анализ политическими целями, в результате показатель места ВВП перестает быть «хорошей мерой».

Таблица 4

Место РФ в мире по ВВП (номинальному)

Страна	2013		2019		2024	
	Место	Доля в мировом, %	Место	Доля в мировом, %	Место	Доля в мировом, %
США	1	21,62	1	24,34	1	26,22
Китай	2	12,48	2	16,45	2	16,84
Германия	4	4,88	4	4,47	3	4,19
Япония	3	6,68	3	5,78	4	3,62

² Российский статистический ежегодник // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 02.03.2026).

Окончание таблицы 4

Индия	10	2,38	6	3,2	5	3,51
Великобритания	6	3,57	5	3,22	6	3,27
Франция	5	3,61	7	3,08	7	2,84
Россия	8	2,94	11	1,91	11	1,95

Примечание. По данным Всемирного банка³.

Таблица 5

Место РФ в мире по ВВП (по паритету покупательной способности)

Страна	2013		2019		2024	
	Место	Доля в мировом, %	Место	Доля в мировом, %	Место	Доля в мировом, %
Китай	2	14,69	1	17,73	1	19,45
США	1	16,42	2	15,40	2	14,88
Индия	3	5,74	3	7,10	3	8,25
Россия	6	3,48	6	3,27	4	3,52
Япония	4	4,65	4	3,86	5	3,33
Германия	5	3,78	5	3,52	6	3,06

Примечание. По данным МВФ⁴.

Кроме того, из таблицы 5 следует, что даже улучшение позиции страны в рейтинге не обязательно свидетельствует о росте ее реального экономического веса. Так, повысив позиции в 2024 году, по доле в мировом ВВП (по ППС) Россия свой вес практически не изменила. Другими словами, сдвиг РФ на более высокие позиции в рейтинге был обусловлен не столько ее собственным ростом, сколько снижением долей других стран.

Поскольку ни динамика ВВП, ни международные сопоставления ничего не говорят о качественных изменениях национальной экономики, то далее целесообразно остановиться на структурном анализе ВВП в разрезе доходов (табл. 6), расходов (табл. 7) и в отраслевом разрезе (табл. 8). Информационной базой анализа являются официальные данные Росстата⁵.

Таблица 6

Структура ВВП РФ по доходам

Показатель	2013		2019		2024	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Оплата труда наемных работников	34269006	51,8	50321125	45,7	88279733	43,9
Налоги на производство и импорт	10412067	15,7	13124241	11,9	21444479	10,7
Субсидии на производство и импорт (–)	320056	–0,5	598129	–0,5	5976830	–3,0
Валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	21829103	33,0	47198814	42,9	97404711	48,4

На протяжении анализируемого периода имеет место рост доли валовой прибыли в ВВП, что отражает перераспределение добавленной стоимости в пользу капитала и может указывать на усиление концентрации в капиталоемких секторах (например, ВПК). Повышение доли субсидий демонстрирует рост государственного вмеша-

тельства в перераспределение доходов. Важным моментом является снижение доли оплаты труда в ВВП, что при его росте служит свидетельством того, что экономический рост не трансформируется пропорционально в доходы домохозяйств, подтверждая тезис о том, что ВВП не всегда характеризует аспекты роста благосостояния.

³ URL: <https://statbase.ru/datasets/economics/gdp/>

⁴ URL: <https://svspb.net/danmark/vvp-stran.php/>

⁵ Российский статистический ежегодник // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994/> (дата обращения: 02.03.2026).

Таблица 7

Структура ВВП РФ по расходам

Показатель	2013		2019		2024	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Расходы на конечное потребление	47957481	72,5	75578510	68,7	136628076	67,9
в том числе домашних хозяйств	34671924	52,4	55020330	50,0	98341325	48,9
Валовое накопление	15104635	22,8	25427646	23,1	52900650	26,3
в том числе валовое накопление основно-го капитала	14460158	21,8	23114449	21,0	44520800	22,1
Чистый экспорт товаров и услуг	3922277	5,9	8310667	7,6	8699936	4,3

Структурный анализ российского ВВП в разрезе расходов позволяет отметить рост доли накоплений. Вместе с тем неустойчивая динамика доли валовых накоплений основного капитала может свидетельствовать, что в 2019 году экономика находилась в состоянии выживания, поскольку вклад накопления в ВВП являлся экстенсивным (за счет складов), а не интенсивным (за счет технологий и мощностей). Разворот в 2024 году динамики инвестиций в основной капитал является следствием увеличения государственных инвестиций, концентрированных в ВПК.

Разнонаправленная динамика была характерна за анализируемый период и для доли чистого экспорта. Так, значительный рост доли чистого экспорта в 2019 году можно интерпретировать как сохранение российской экономикой сырьевой

зависимости, когда адаптация к санкциям происходила преимущественно через сокращение импорта, а не через прорыв в несырьевом экспорте. В 2024 году доля чистого экспорта существенно снизилась за счет падения экспортных доходов, что на фоне роста экономики можно интерпретировать как признак переориентации от внешнеторгового профицита к внутреннему спросу. Особое значение имеет структурный сдвиг, связанный с устойчивым снижением доли расходов на конечное потребление, который может быть интерпретирован как перераспределение ресурсов экономики от текущих расходов населения в сторону накопления, инвестиций или государственных нужд, что в контексте рассматриваемой темы ставит вопрос о трансформации роста в благосостояние.

Таблица 8

Структура ВВП РФ в разрезе крупнейших отраслей экономики

Показатель	2013		2019		2024	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов ¹	9887479	14,9	13554699	12,3	23931559,5	11,9
Обрабатывающие производства	8588911	13	14406992	13,1	26660009,5	13,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом ²	6859979	10,4	9331010	8,5	19381088,5	9,6
Добыча полезных ископаемых	5893928	8,9	12388962	11,3	21493896,7	10,7
Транспортировка и хранение ³	5098948	7,7	6505123	5,9	12651969,9	6,3
Строительство	3994322	6	5564606	5,1	8923912,1	4,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	3794383	5,7	7392150	6,7	16034939,8	8,0
Деятельность финансовая и страховая ⁴	2847335	4,3	4186408	3,8	8041377,9	4,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	2290474	3,5	3794711	3,4	5518753,4	2,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2300981	3,5	3375549	3,1	5704304,9	2,8
Деятельность профессиональная, научная и техническая ⁵			4300489	3,9	8665237,7	4,3
Деятельность в области информации и связи ⁵					6421908	3,2

¹в 2013 году — оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования;

²в 2013 году — операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг;

³в 2013 году — транспорт и связь;

⁴в 2013 году — финансовая деятельность;

⁵в 2013 году — отсутствует в перечне видов экономической деятельности.

Анализ отраслевой структуры ВВП РФ в качестве наиболее значимого структурного сдвига позволяет отметить рост доли государственного управления и военной безопасности, что связано со значительным повышением военных расходов на фоне СВО. На приоритет производственных и оборонных расходов над потребительскими и социальными указывает сокращение доли торговли и социальных секторов. Обращает на себя внимание «вклад» финансового и страхового сектора в ВВП, который значительно превосходит долю сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства. В целом структурный анализ ВВП России в разрезе отраслей показывает, что такие традиционные сектора, как сельское хозяйство, строительство, здравоохранение и предоставление социальных услуг теряют вес, тогда как сектора, связанные с государственным управлением, финансами и страховыми услугами, либо сохраняют, либо наращивают долю, даже в условиях отсутствия бурного роста. Это служит свидетельством структурной консервации с усилением государственной безопасности и элементами финансиализации.

Таким образом, эмпирический анализ данных Росстата подтверждает уязвимость ВВП как целевого индикатора. На фоне роста агрегированного показателя и повышения позиции РФ по объему ВВП (по ППС) имеет место снижение веса РФ по номинальному ВВП в мировой экономике, падение доли потребления домохозяйств и перераспределение ресурсов в пользу государственного и оборонного секторов. Все это служит свидетельством того, что ВВП, лишенный структурной детализации и методологической конкретизации, не способен выступать объективным измерителем экономического развития.

Заключение. Резюмируя результаты проведенного исследования, можно отметить, что, несмотря на безусловную важность показателя ВВП, исторически задуманного как нейтральный инструмент измерения объема производства и макроэкономического анализа, его постепенная трансформация в императивную цель государственной политики несет существенные риски. Данная трансформация активировала действие закона Ч. Гудхарта, проявление которого в контексте экономического управления имеет три уровня: методологический, коммуникативный и структурный. На методологическом уровне показатель теряет объективность из-за изменения границ производства и методологии расчета, превращаясь в условный конструкт, зависящий от методологических

допущений. На коммуникативном уровне одна и та же статистическая реальность позволяет формировать альтернативные нарративы в результате избирательной интерпретации данных. На структурном уровне погоня за интегрированным ростом ведет к перераспределению ресурсов в пользу секторов, не обеспечивающих повышение благосостояния населения.

Анализ эмпирических данных подтвердил трехуровневый характер проявления закона Ч. Гудхарта применительно к ВВП как целевому индикатору экономической политики России. Фокусировка на агрегированных темпах роста валового внутреннего продукта или позиции страны в мировом рейтинге игнорирует реальный вес экономики и ее структурные пропорции, качество роста и социальные издержки ради достижения формальных статистических показателей. Конъюнктурное использование статистически корректных индикаторов путем выбора между ВВП по ППС и номиналом, между средними и цепными темпами роста, а также выделения отдельных «удачных» лет вместо долгосрочного тренда превращает их в инструмент избирательной интерпретации. Осложнение ситуации видится нам в пересмотре методик расчета, изменении классификации отраслей, что создает возможности для формального поддержания уровня показателя даже при структурной стагнации потребительского сектора. Поэтому даже одинаковые темпы роста ВВП или позиции в мировых рейтингах могут скрывать принципиально разные экономические реальности.

Таким образом, реализация закона Ч. Гудхарта в приложении к показателю ВВП приводит к тому, что погоня за цифрами роста подменяет собой задачу повышения качества жизни населения и устойчивости экономики, способствуя качественной деградации экономической среды, пренебрежению к структурным ограничениям (ресурсных, социальных) и статистическим искажениям. В этой связи акцент на ВВП как ключевой цели экономической политики становится тормозом для устойчивого развития. Отметим, что преодоление указанных проблем требует не отказа от количественных агрегированных показателей ВВП, а, во-первых, систематизации структурных ограничений экстенсивного роста, во-вторых, возврата количественным индикаторам статуса нейтральных статистических инструментов, и, в третьих, перехода от управления «ростом ВВП» к управлению «качеством развития» с опорой на систему сбалансированных показателей, отражающих комплексное благосостояние и устойчивое развитие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Goodhart C. A. E. Problems of Monetary Management: The UK Experience // Papers in Monetary Economics. 1975. Vol. 1. Sydney: Reserve Bank of Australia. Pp. 1–20.
2. Kuznets S. National Income, 1929–1932. Senate Document No. 124. Washington, 1934.
3. Kennedy R. F. Remarks at the University of Kansas. March 18. 1968.
4. Стиглиц Дж. Е., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?: доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса М., 2016. 210 с.
5. Strathern M. «Improving Ratings»: Audit in the British University System // European Review. 1997. Vol. 5. № 3. Pp. 305–321.
6. Мюллер Д. Тирания показателей: Как одержимость цифрами угрожает образованию, здравоохранению, бизнесу и власти / пер. с англ. М., 2019. 266 с.
7. Маццукато М. Ценность всего: Создание и изъятие в глобальной экономике / пер. с англ. М., 2020. 352 с.
8. Атаев А. М. К вопросу об оценке социального прогресса и устойчивого развития // Вопросы статистики. 2016. № 11. С. 37–44.
9. Алиева А. Р., Никамагомедов Ш. М. Макроэкономические индикаторы экономического роста и их влияние на финансовую политику государства // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 5.
10. Золов О. Н., Матненко Н. Н. Проблемы использования ВВП как показателя эффективности оценки социально-экономического развития // Вопросы экономики и управления. 2019. № 5 (21). С. 1–6.
11. Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьёва С. В., Ситкина К. С. Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 3. С. 685–699.
12. Молоканов В. М. Проблемы использования показателя ВВП как индикатора социально-экономического развития общества // Вопросы управления. 2019. № 5 (60). С. 178–188.
13. Катасонов В. Ю. Российская экономика в кривом зеркале ВВП // Официальный сайт русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова. URL: <https://reosh.ru/valentin-katsonov-rossijskaya-ekonomika-v-krivom-zerkale-vvp.html/> (дата обращения: 25.02.2026).
14. Катасонов В. Ю. ВВП — сломанный компас экономики // Официальный сайт русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова. URL: <https://reosh.ru/valentin-katsonov-vvp-slomannyj-kompas-ekonomiki.html/> (дата обращения: 09.03.2026).
15. Катасонов В. Ю. Экономика лжи. Валовой виртуальный продукт и деньги «с неба»: сборник статей. М., 2020. 461 с.
16. Каберник В. В. Ловушки статистики и опыт их обхода // Политическая наука. 2024. № 2. С. 237–261.
17. Мельников В. В. Метрики как псевдоцели реформ // Journal of Institutional Studies. 2024. № 16 (1). С. 85–100.
18. Грачев А. В., Борова Л. В. Взгляд на проблему кадровой обеспеченности подразделений МВД России через призму экономических законов и парадоксов // Криминологический журнал. 2024. № 4. С. 240–246.
19. Муха Д. В. ВВП и национальное счетоводство: история, современность и перспективы развития // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. Минск, 2024. Вып. 20. С. 41–60.
20. Новиков А. В., Новикова И. Я. ВВП как стоимостной измеритель объема экономики и индикатор экономического роста // ЭКО. 2019. № 9. С. 165–187.
21. Пономаренко А. Н. Исторические национальные счета России: 1961–1990 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2000. № 4. С. 505–527.
22. Гроздева Е. А., Ключанцева В. Н. Баланс народного хозяйства и система национальных счетов: общие черты и отличия // Экономика и управление. 2014. № 3. С. 25–41.
23. Рябушкин Б. Т. История создания и развития отечественного межотраслевого баланса и его места в статистике и макроанализе // Вестник университета. 2013. № 17. С. 187–192.
24. Lapavistas C. Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All. London, 2013. 304 p.

REFERENCES

1. Goodhart C. A. E. Problems of Monetary Management: The UK Experience. Papers in Monetary Economics. 1975. Vol. 1. Sydney: Reserve Bank of Australia. Pp. 1–20.
2. Kuznets S. National Income, 1929–1932. Senate Document No. 124. Washington, 1934.
3. Kennedy R. F. Remarks at the University of Kansas. March 18. 1968.

4. Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. *Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Matter: Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Moscow, 2016. 210 p.
5. Strathern M. "Improving Ratings": Audit in the British University System. *European Review*. 1997. Vol. 5. No. 3. Pp. 305–321.
6. Müller D. *The Tyranny of Metrics: How the Obsession with Numbers Threatens Education, Healthcare, Business, and Government*. Transl. from English. Moscow, 2019. 266 p.
7. Mazzucato M. *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy*. Transl. from English. Moscow, 2020. 352 p.
8. Ataev A. M. On the Issue of Assessing Social Progress and Sustainable Development. *Voprosy Statistiki*. 2016. No. 11. Pp. 37–44.
9. Alieva A. R., Nikamagomedov Sh. M. Macroeconomic Indicators of Economic Growth and Their Impact on State Financial Policy. *The Eurasian Scientific Journal*. 2024. Vol. 16. No. 5.
10. Zolov O. N., Matnenko N. N. Problems of Using GDP as an Indicator for Assessing Socio-Economic Development Efficiency. *Issues of Economics and Management*. 2019. No. 5 (21). Pp. 1–6.
11. Bobylev S. N., Kudryavtseva O. V., Solovyova S. V., Sitkina K. S. Indicators of Environmentally Sustainable Development: A Regional Dimension. *Economy of Region*. 2020. Vol. 16. Issue 3. Pp. 685–699.
12. Molokanov V. M. Problems of Using GDP as an Indicator of Socio-Economic Development of Society. *Management Issues*. 2019. No. 5 (60). Pp. 178–188.
13. Katasonov V. Yu. The Russian Economy in the Distorted Mirror of GDP. Official website of the S. F. Sharapov Russian Economic Society. URL: <https://reosh.ru/valentin-katasonov-rossijskaya-ekonomika-v-krivom-zerkale-vvp.html/> (date of access: 25.02.2026).
14. Katasonov V. Yu. GDP — A Broken Compass of the Economy. Official website of the S. F. Sharapov Russian Economic Society. URL: <https://reosh.ru/valentin-katasonov-vvp-slomannyj-kompas-ekonomiki.html/> (date of access: 09.03.2026).
15. Katasonov V. Yu. *The Economy of Lies. Gross Virtual Product and Money «from Heaven»: Collection of Articles*. Moscow, 2020. 461 p.
16. Kabernik V. V. Statistical Traps and Experience in Avoiding Them. *Political Science*. 2024. No. 2. Pp. 237–261.
17. Melnikov V. V. Metrics as Pseudo-Goals of Reforms. *Journal of Institutional Studies*. 2024. Vol. 16. No. 1. Pp. 85–100.
18. Grachev A. V., Borina L. V. A Perspective on the Problem of Staffing in Units of the Russian Ministry of Internal Affairs Through the Prism of Economic Laws and Paradoxes. *Criminological Journal*. 2024. No. 4. Pp. 240–246.
19. Mukha D. V. GDP and National Accounting: History, Current State, and Development Prospects. *Economic Science Today: Collection of Scientific Articles*. Minsk, 2024. Issue 20. Pp. 41–60.
20. Novikov A. V., Novikova I. Ya. GDP as a Value-Based Measure of Economic Volume and an Indicator of Economic Growth. *ECO journal*. 2019. No. 9. Pp. 165–187.
21. Ponomarenko A. N. Historical National Accounts of Russia: 1961–1990. *HSE Economic Journal*. 2000. No. 4. Pp. 505–527.
22. Grozdeva E. A., Klyuchantseva V. N. The Balance of National Economy and the System of National Accounts: Common Features and Differences. *Economics and Management*. 2014. No. 3. Pp. 25–41.
23. Ryabushkin B. T. History of Creation and Development of the Domestic Input-Output Balance and Its Place in Statistics and Macroanalysis. *University Herald*. 2013. No. 17. Pp. 187–192.
24. Lapavistas C. *Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All*. London, 2013. 304 p.

Поступила в редакцию: 23.03.2026.

Принята к печати: 22.06.2026.